

ЭПОХАЛЬНАЯ СУДЬБА

В Москве в Театральном музее имени А. А. Бахрушина прошел вечер памяти Мариса Лиелы. Великий танцовщик, в последние десятилетия олицетворявший русский балет, ушел от нас, не дожив до 50. Вечер практически не анонсировался, но зал музея был не в состоянии вместить всех желающих еще раз, хотя бы опосредованно, соприкоснуться с личностью этого артиста. Пришли и те, кто знал его близко: Владимир Васильев, Михаил Лавровский, Владимир Левашов, Андрес Лиела, Элеонора Власова, Владимир Васильев сразу задал очень верный тон: «Мы можем целый вечер говорить о том, что Лиела вынужден был оставить Большой театр, о том, что советское государство, в сущности, не дало ему полностью себя реализовать. Ну что же теперь, когда ничего не поправишь, прозвонить речи? Лиела все же сделал грандиозно много. Об этом и поговорим».

Красс в «Спартаке», Альберт в «Жизели», Ромео в «Ромео и Джульетте», Хосе в «Кармен-сюите»... Да что, собственно, перечислять — Лиела станцевал все главные партии в лучших классических балетах. Кто видел его на сцене — счастливчик, ибо балетное искусство не печатается типографским шрифтом для последующих поколений. Но что-то ведь все-таки остается и очень важное? Наверное, как и от песни — следящей души. И мысли. Ведь в любом танце Лиелы была мысль, что одновременно выделяло его и ставило в ряд лучших представителей русской балетной школы.

Искусство Лиелы отличалось широчайшим диапазоном: партию любого амплуа он исполнял на самом высоком уровне. Характерно, что он, звезда классического танца, не чуждался новых форм, если они были талантливы. — участвовал, например, в балете И. Стравинского «История солдата», в последние годы все настойчивее искал пластический язык, соответствующий интеллектуальному и эмоциональному строю века. Широчайшим диапазоном вообще отличалось его

творческое «я»: Лиела был одновременно артистом балета, балетмейстером, автором книги «Вчера и сегодня в балете».

Вечер, посвященный артисту, сложился отнюдь не в манере популярных у нас помпезно-пустых чествований. Друг Мариса Эдуардовича М. Лавровский отмечал, что Лиела, как всякий художник, был очень эмоциональным человеком, а отнюдь не «правильным», кроме методичной и размеренной работы ничего не знавшим. Он был широкой натурой, увлекающейся, любящей жизнь. «И, знаете, я работал с ним бок о бок, но никогда не думал, что рядом со мной великий человек. Только когда его не стало, я понял, что он был эпохальной личностью».

Много горького было в судьбе Лиелы, много для нас поучительного. Но не поучительнее ли всего это признание Лавровского? Мы все-таки непросто слепы в отношении к своим выдающимся современникам. Мы вообще привыкли осознать масштаб человека лишь после его смерти. Я сидела и думала о том, что говоривший о Лиеле Владимир Васильев тоже ведь эпохальная личность. Но признать это нам вроде бы еще не время. Поэтому мы спокойно созерцаем его и Екатерины Максимовой вынужденный уход из Большого театра и будто ждем времени, когда уже задним числом можно будет повздыхать, поругать, укорить, вознести. Судьба русского художника всегда таит в себе этот парадокс: его оценивают в полной мере лишь после гибели. Такова и судьба Лиелы, блистательного и трагичного Лиелы, без которого немислим русский балет.

Л. МИХАЙЛОВА